

Для цитирования: Прилукова, Е. Г.
Смыслы репрезентации социальной реальности
в субкультуре креолизованного текста
(на примере российского
музыкального жанра шансона) /
Е. Г. Прилукова, Д. В. Раковский //
Социум и власть. — 2023. —
№ 1 (95). — С. 109—116. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116. —
EDN APGYVV.

УДК 101.1+316.33+32

EDN APGYVV

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116

СМЫСЛЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СУБКУЛЬТУРЕ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ЖАНРА ШАНСОНА)

Прилукова Екатерина Григорьевна,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
профессор кафедры философии.
Челябинск, Россия.
E-mail: prilukova74@gmail.com

Раковский Денис Вадимович,
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова,
аспирант кафедры философии.
Магнитогорск, Россия.
E-mail: rakovsky_auto@mail.ru

Аннотация

Введение. Стремительная динамика мира настоящего времени ведет к его усложнению и конструированию. Реальность оказывается сотканной из множества фрагментов-цитат, представляя собой коллаж, который человек творит и постигает через призму различных текстов. На первый план выходят постоянно трансформируемые формы, и, как следствие, допускается множественность смыслов. Непрерывно порождаются модели мира, замещающие актуальную реальность множеством зрелищных симулякров. Отмечается поиск путей осмысления реальности через выявление маркеров ее трансформаций и понимание становится основой онтологии и одним из доминант сознания последней четверти XX и первой — XXI столетия. Одним из маркеров

трансформаций социальной реальности становятся знаки и символы субкультуры, детерминированные контекстом культуры и предъявляемые различными средствами.

Цель. Показать маркеры трансформации социума тотальной коммуникации.

Методы. Методологические рамки — герменевтический подход Г. Гадамера и положения социальной семиотики М. Халлидея к кодированию/декодированию смыслов операторов-маркеров социальных трансформаций. Кроме того, использованы в работе и другие методы — методы аналогии, анализа и синтеза. Фрагменты исследования, посвященные изучению шансона как креолизованного текста, потребовали применения системного метода.

Научная новизна исследования. Авторами выявлена специфика шансона как креолизованного текста. Представлено понимание субкультуры как маркера трансформаций социальной реальности, которая манифестируется знаково-символическими формами непрерывно порождаемых креолизованных текстов благодаря технике и технологиям коммуникации.

Результаты. Маркеры трансформаций социальной реальности репрезентируют их в формате креолизованных текстов. Транслируемое в них наполняется человеком и, следовательно, нарастает его ответственность за их содержание. Семиотическая методология на основе синтеза интеллектуального капитала герменевтики и лингвистики позволяет рассматривать их как продукт знаково-символической деятельности человека и декодировать содержание.

Выводы. Специфика человеческого бытия детерминирована существованием человека в языковом аспекте окружающего его мира — мир дан языком, что предполагает поиски смысла и понимания мира. Мышление и язык онтологически связаны: смысл выражается языковыми средствами. Хотя природа маркеров трансформаций социальной реальности различна, тем не менее она предъявлена и оформлена как текст, понимание которого один из способов постижения социальной реальности.

Ключевые слова:

реальность,
текст,
понимание,
смысл,
маркер

Введение

В условиях стремительной динамики мира настоящего времени как мира развития техники и технологий коммуникации он существенно усложняется и становится все более и более многомерным, мозаичным и конструируемым. Реальность признается и осознается сотканной из множества фрагментов-цитат, представляя собой коллаж, который человек творит и постигает через призму различных текстов, поскольку «нет ничего, существующего вне текста» [1, с. 15]. Происходит стремительное «расчеловечивание», на первый план выходят и остаются постоянно трансформируемые формы, меняющие беспрестанно утрачивающее смысл их содержание. Как следствие, допускается множественность смыслов. Непрерывно порождающиеся модели мира оказались способными оспаривать актуальную реальность, замещающая ее множеством зрелищных симулякров. Это не могло не отразиться на поисках путей осмысления реальности, являя маркеры ее трансформаций.

Понимание стало основой онтологии и одним из доминант сознания последней четверти XX и первой — XXI столетий. Огромный лавинообразный поток информации, репрезентирующий в различных формах реальность, потребовал непрерывной работы мысли в поисках ее (реальности) понимания и подходов к нему. Понимание современной реальности может быть осуществлено при использовании социальной семиотики М. Халлидэ и герменевтики Г. Гадамера, позволяющих приоткрывать «тайны» реальности через возможность выделять, означать и интерпретировать смыслы ее маркеров, одними из которых становятся знаки и символы субкультуры, детерминированные контекстом культуры [2, с. 550; 18, р. 192].

Методы и материалы

Основными методами исследования выступают герменевтический, семиотический, аналогии, анализа и синтеза, а также системный.

Материалом исследования служит шансон как один из операторов-маркеров репрезентации субкультуры.

Обсуждение и результаты исследования

Термин «hermeneutics» (греч. ἑρμηνευτική) получил широкое употребление с XVII в.,

хотя традиции герменевтики или толкования и понимания лингвистических и внелингвистических структур уходят в глубокую древность, когда формируется на нее социальный заказ. Причем периоды наибольшего интереса к ней приходились на переломные — «смутные» — времена, когда жизнь общества, достигая пика неопределенности, манифестируется переменами в политической и экономической сферах организации его (общества) жизнедеятельности. Политизация духовной жизни находит свое отражение в требовании осмысления нового и поиска новых подходов к нему. Наблюдается «взрыв» мысли, ведущий к новым векторам исследований, придавая новый смысл даже ранее известному, возникают новые отношения к тому, *какие* имеются маркеры изменений, *что* и *как* они отображают о социальной реальности и *кому* о ней говорят (курсив авторов — Е. Г., Д. В.). При этом важно помнить, что понимание сложно, многогранно и не завершено, ибо смысл постигается и порождается как бытие возможного [2; 3; 18].

Г. Гадамер развернул в своей концепции герменевтики два важных для нашего анализа момента: временность или историческую контекстуальность понимания, конструктивность смыслов и интерпретативность, обусловленных самой природой человека.

Первый показывает нам особенность существования человека, что «мы не просто живем в истории, мы и есть сама история» [2, с. 325]. Следовательно, понимание подвержено воздействию определенной традиции осмысления или *пред-понимания*, одним из компонентов которого являются *пред-рассудки* (или *предварительные рассуждения*) как нечто происходящее до рассуждения, лежащее в основе понимания и помогающие ему. Благодаря чему устанавливается связь человека с миром и определяется его место в нем. Эти предварительные рассуждения при поиске смыслов *пред-за-даны* социокультурной динамикой. Однако человек, будучи в обществе, пытается не только подчиниться ему, но и влиять на него даже фактом своего собственного существования, он — потенциал общества (не случайно термин «человеческий капитал» сегодня широко распространен не только в социально-гуманитарном знании). Поэтому герменевтический опыт личности важен в понимании.

Второй указывает, что смыслы производит человек, фиксируя, закрепляя и транслируя их языком, образуя тем самым некую

(особую) среду, «в которой объединяются или, вернее, предстают в своей исконной принадлежности «Я» и мир» [2, с. 548]. Происходит реализация цели понимания — не столько «воспроизведение», сколько «производство» смысла, т.е. его конструирование. Основным инструментом чего выступает язык [9, с. 329; 18, р. 113]. Значит, всякое понимание есть проблема языковая, и оно (понимание) достигается в медиуме языковости [3, с. 43]. Мысль невозможно ухватить и осмыслить, если она не выражена в языке, поскольку «не только *процедура понимания* людьми друг друга, но и *процесс понимания* вообще представляет собой событие языка — даже тогда, когда речь идет о внеязыковых феноменах» [3, с. 44] (курсив наш — Е. Г., Д. В.). Ведь язык предстает не только и не столько как запечатление и оформление текста в слове (особенно современный).

Положения теории социальной лингвистики М. Халлидея о языке как «потенциале означивания» (a meaning potential), а не системе жестких требований позволяют нам видеть в нем маркер трансформаций, как социальной системы в целом, так и отдельных ее элементов [18, р. 39]. Время настоящего в организации социума отчетливо демонстрирует возможности использования семиотических систем в социальной практике — от продвижения ценности жизни до приемов признания ценностью отказа от жизни. Социальный семиозис — динамический процесс, меняющий природу самого знака — от фиксации и отражения реальности к инструменту властвования и создания картины реальности [10].

В современном обществе, во многом благодаря техникам и технологиям коммуникации, сформировался новый язык — язык образов, сочетающий в себе различные по своей природе знаки и символы (вербальные и невербальные, преимущественно визуальные). Сегодня в восприятии мира доминирует зрительное. Однако невербальный (несловесный) язык обладает всеми языковыми атрибутами и механизмы его восприятия мозгом такие же, как и языковые. Объект понимания раскрывается на уровне рациональности и иррациональности. В процессе понимания синтезируются смысловой и эмоциональный компоненты, существенно влияющие на выбор, той или иной модели интерпретации. Язык несет в себе культурные коды и культурный опыт, зафиксированный в них, одновременно является собой нечто, способное вмещать истину бытия — души «причастны к общему для них смыслу» [2; 3]. Он форма реализации

социальных отношений, т. к. «посредством повседневных актов означивания люди обнаруживают/обнажают социальную структуру, подтверждая свои статусы и роли, утверждая и передавая общепринятую систему ценностей и знаний» [18, р. 2].

Понимание, таким образом, предстает перед нами всегда как сложный диалог в разворачивании опыта осмысления в историчности — «осмысления, непрестанно продолжающего выражать себя средствами языка, осмысления, никогда не начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности» [13, с. 15]. В силу того, что человек и мир в своем постоянном взаимодействии меняются, мысль никогда не будет звучать окончательно как истина в последней инстанции — новое при встрече с человеком предполагает и его переосмысление, т. е. интерпретацию. Тем самым порождаются новые смыслы.

Завершая теоретический раздел, отметим, что синтезирование положений герменевтики Г. Гадамера и социальной лингвистики М. Халлидея о понимании указывает, что знаки и символы языка способны, фиксируя и передавая означиваемое, дополнять его новым содержанием. Это позволяет выявлять маркеры транзита социальной реальности в условиях ее трансформации. Одним из таких маркеров является субкультура, отражающая под углом своего видения социальную реальность и продуцирующая свой текст о ней. Текст, который становится быстро воспринимаемым и принятым частью общества, и задающий свои образцы и стандарты поведения.

Формирование и нарастание числа субкультур в обществе явно показывает его изменения, что не может не найти отражения и в попытках их осознания [7; 12 и др.]. Субкультура сегодня — одно из довольно часто встречающихся понятий, позволяющих описывать, осмысливать, понимать и прогнозировать ориентиры и интересы той или иной группы, определяющей стиль жизни, стандарты мышления и образцы поведения ее обладателей [4; 6; 10 и др.]. Обычно субкультуры на начальном этапе своего формирования стремятся к замкнутости и изоляции и в дальнейшем начинают самопредъявлять себя различными формами — от протестных действий и ухода «в тень» до обретения статуса общего признания, отражая различные мировоззренческие позиции и установки общества и человека. Способы презентации субкультур обществу оказываются в фокусе внимания исследователей [4; 6; 10; 13; и др.]. Одним из таких способов становится, по

нашему мнению, шансон в различных своих жанровых и текстовых ипостасях.

Термин «шансон», восходящий к французскому слову «chanson», в буквальном значении — народная или жанровая песня, возникшая в эпоху позднего Средневековья — эпоху Возрождения [8] — приобрел сегодня и другие смысловые оттенки (к нему относят авторскую и блатную песни, песни автора в его исполнении и т. п.). Мы под ним рассматриваем популярную песню с четким (преимущественно одним) сюжетом и лаконичной законченностью фраз, сопряженной с исполнением. Иными словами, шансон — текст, несущий смыслы, произрастающие из его понимания как онтологически первичного отношения человека к миру как понятие опыта, связанного с природой и спецификой языка. Обусловлено это тем, что «всякая встреча с языком — это встреча с незамкнутым событием и даже частью этого события» [2, с. 144], а «одно из его предназначений — служить людям» [18, р. 4].

Анализ шансона начался в рамках изучения субкультур в 60-х годах прошлого столетия в социально-гуманитарном знании. Первыми к нему обратились лингвисты (использование специфической лексики), музыковеды (жанры исполнения) и юристы (форма репрезентации и продвижения отклоняющегося поведения). Сегодня можно говорить даже о становлении «шансоноведения», хотя границы предмета его изучения достаточно дискуссионны [9, с. 81]. В нашей стране шансон как объект исследовательских интересов относительно молод. Сам шансон формировался в основном на «изломе» эпох (от Российской империи к Советскому Союзу и от СССР к Российской Федерации). Общество осуществляло переход (транзит) из одного состояния в другое, демонстрируя кризис стабильности. Все многообразие проявлений шансона, по нашему мнению, можно обозначить терминами «исполняемый различно-мотивированный креолизованный текст» о жизни человека в повседневности.

Начало процессов «перестройки, гласности и демократии» накануне распада Советского Союза вывели шансон из тени — запретные темы стали незапретными. Наоборот, они манили к себе и провоцировали начало новых перемен. Рухнул идеократический саркофаг — публикация «ЧП районного масштаба» в январской «Юности» Ю. Полякова (1985), «Дети Арбата» А. Рыбакова в «Дружбе народов» (1987), закрытого доклада о разоблачении культа И. Сталина на страницах третьего номера

возрожденных «Известий ЦК КПСС» (1989) и т. д. Доносились отовсюду песни И. Талькова, В. Цоя, группы «Лесоповал» и др. Хотя и не бесспорно всех их относить к жанру шансона, тем не менее они символизировали начало транзита в обществе и трансформации представлений о свободе, не преследуя цели избежать открытой критики оценки реалий. Становление суверенного государства Россия сопровождалось серьезными (порой слишком кардинальными и драматичными) изменениями, выразившимися в разломе прежней социально-экономической, политической и духовной систем. Общество молчаливо опасавшегося и согласного со всем большинству развитого социализма сменялось демократическим и искало новые яркие средства выражения картины «жесткой» реальности.

В начале 90-х годов XX в. шансон лаконично отразил главных героев нового времени — спортивные фигуры в малиновых пиджаках и кроссовках с бритыми головами, криминальная метафора пришлись по нраву социуму, представляя собой атрибут свободы. Сегодня образы в шансоне стали соответствовать времени, а тематика расширилась. Он, в большинстве своем, расстаётся с криминальной метафорой и обращается чаще к «вечным» темам обычного человека — жизнь и смерть, любовь и ненависть, верность и предательство, добро и зло, справедливость и несправедливость, законность и беззаконие.

Несмотря на чаще всего негативную оценку среди исследователей (образец «смерти высокой культуры в обесцененной лексике»), шансон продолжает «жить». Он имеет серьезную аудиторию в лучших залах страны и ведущих масс-медиа (первый фестиваль русского шансона «Гоп-стоп шоу», 1990; радиостанция «Шансон», 2000; шоу «Три аккорда» на Первом канале, 2014; ежегодные фестивали «хитов» и «премьер» года и др.). Возникающие и циркулирующие научные и околонучные дискуссии, делают в основном акцент на жанровом разнообразии исполнения и редко обращаются к содержанию текстов [5; 6 и др.].

По мере разворачивания технологического уклада «Индустрия 4.0» и становления «фабрик» популярной культуры, шансон все увереннее начал пользоваться креолизованным языком с доминированием в нем визуального компонента. Язык шансона усложняется, образуя креолизованный текст, т.е. созданный разными по своей природе знаками и символами (вербальными и невербальными) и оказывающий воздействие

на сознание. В этом тексте присутствует и господствует образ, создаваемый непосредственно не только словом, но и звуками музыки, исполнительской манерой и визуализацией происходящего (вид исполнителя, сцены и т. п.). Вербальная и невербальная части креолизованного текста воспринимаются одновременно, но аудиовизуальный ряд доминирует в текстообразовании и, следовательно, смыслообразовании. Этот ряд значительно проще речевого компонента — он более привлекателен и доминирует при восприятии и формировании смысла, при этом человек опирается на свой личностный опыт (сенсорные и перцептивные эталоны восприятия, знание). Реальность трансформируется в сложном креолизованном тексте, схватывая эмоции социума, прежде всего, под воздействием «настроения времени».

Хотя специфика креолизованных текстов не изучена в достаточной степени и не выработана общепринятая методика их исследования, специалисты отмечают, что этим текстом осуществляется производство и передача смыслов автора, исполнителя и слушателя или зрителя [11; 12; 22]. Кроме того, креолизация становится важным инструментом привлечения и удержания внимания реципиента, способов выражения смысловой организации текста. В этом процессе смыслообразования могут активно «участвовать» технические мультимедийные средства, существенно влияющие на воспринимающего (слушателя, зрителя), когда у него оказываются задействованными разные каналы получения и обработки информации. Возможности смыслообразования стали безграничными, благодаря применению средств и технологий коммуникации современного общества [15—17; 20; 21]. Однако следует помнить, что объем информации, которую способно обработать сознание, поступающей из каждого канала ограничен и формируются благоприятные условия для властвования над слушателем/зрителем (особенно зрителем «за стеклом»).

Шансон как креолизованный текст существует в каждом конкретном случае в многообразных способах бесконечной интерпретации и явленной презентации. Опыт «прочтения» смысла текста всегда неисчерпаем [12; 18; 19; 22]. Любое его предъявление специально сконструировано (тембр голоса, громкость и т. п.). Конструирование смысла коррелирует с интеллектуальной работой человека, вступившего в диалог с произведением шансона. При этом создается впечатление, что у произведения шансона есть несколько авторов

(поэт, композитор, исполнитель, постановщик звука, оформитель сцены и т. д.). Тем не менее, фактическим автором будет тот, кто завершил процесс создания, т.е. исполнитель. Особо значим тот автор, кто создал все сам, пройдя путь от автора и режиссера до исполнителя.

Шансон одновременно информирует его потребителя о некой реальной данности, предлагает и внушает ему определенные знания и эмоции о ней, направляя формирование определенных мыслей и чувств «путем сотворческой работы самого адресата» [11, с. 129]. Поэтому в шансоне всегда предлагается новая интерпретация путем исключения, замещения, перестановки, дополнения, стиля, модальности, света, цвета и других средств создания образа. Связанность всех этих компонентов может быть различной, сообразно своей логике разложения целого на части и соединения их вновь воедино.

Примером может послужить «Черный тюльпан» (или «Монолог пилота “Черного тюльпана”») А. Розенбаума. Трагедия ребят из ограниченного контингента в Афганистане «проживается» в песне за 3,5 минуты (время звучания). Тем не менее, она не передает никоим образом 3,5 минуты жизни каждого из «груза 200». Палитра их судеб исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Происходит замена реальной реальности ее репрезентацией, т. к. один объект действительности запечатлевается в другом и создается новая реальность, полностью сконструированная автором, исполнителем и воспринимающим. В русском языке появляются крылатые фразы «афганский синдром» и «черный тюльпан» как синонимы «груза 200». Если первая сформировалась в ходе действия ограниченного контингента по аналогии с уже существующим «вьетнамским синдромом» [14, с. 136], то вторая — цветок необычного цвета — стала символом безвозвратной потери для поколения конца 1970 — начала 1990-х годов. Хотя власти тщательно пытались скрывать информацию об афганской войне, которая с помощью практик языка приходила в страну. В начале 2000-х гг. по инициативе городской организации ветеранов и лично мэра Челябинска появился на улице Кирова в Челябинске памятник — мужчина в армейской форме с гитарой и рядом камень со словами песни «Черный тюльпан», который часто олицетворяют с памятником исполнителю песни. Так сконструированная реальность как результат деятельности человека, обладая определенным

сходством с актуальной и предполагая вариативность ее интерпретаций, «проникает» в сознание и формирует образы понимания.

Заключение

Специфика человеческого бытия детерминирована существованием человека в языковом аспекте окружающего его мира, который являет себя человеку как мир, данный в языке, что дает возможность осуществления поисков смысла и понимания. Смыслополагание способен осуществлять только человек, что определяет его как мыслящую и понимающую часть сущего. Мышление и язык онтологически связаны друг с другом, поскольку смысл, постигаемый мышлением, мыслим и выразим только в языке. Мир, данный человеку в языке, подлежит интерпретации. Языковость понимания продиктована онтологической связью языка и мышления, что объясняет постоянное стремление мышления к диалогу с Другим и расширению горизонтов понимания. Социальные трансформации как процесс приобретения и проявления в обществе новых форм социальных связей в соответствии с требованиями времени, обладают признаками-маркерами. Природа маркеров трансформаций социальной реальности различна, как и способы предъявления. Креолизованный текст шансона, с одной стороны, форма фиксации технологического образа времени, с другой — конструктор новых форм его восприятия и репрезентация его нового героя. Понимание этого становится одним из способов постижения социальной реальности, наполненной нескончаемым числом событий различной значимости (от локальных до глобальных). Маркеры позволяют увидеть вектора социокультурной динамики.

Авторы выражают глубокую благодарность и признательность всем тем, для кого профессия защищать Родину стала смыслом жизни.

1. Барт, Р. *S/Z* / Р. Барт. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с.

2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М. : Прогресс. 1988. — 704 с.

3. Гадамер, Г.-Х. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. — М. : Искусство, 1991. — 368 с.

4. Волкова, В. В. Методологические основания к пониманию феномена субкультуры / В. В. Волкова // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — № 4. — С. 65—68.

5. Копцов, А. Н. Языковая эклектика как жанровая черта современного «русского шансона»: на материале песенно-поэтического творчества Елены Ваенги / А. Н. Копцов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2016. — Т. 22. — № 2. — С. 221—225.

6. Круталевич, А. Н. Структурно-аналитический подход к изучению субкультур / А. Н. Круталевич // Культура и искусство. — 2016. — № 1 (31). — С. 41—45.

7. Лебедев, С. Н. Шансон / С. Н. Лебедев // Большая российская энциклопедия. — 2004. — URL: <https://bigenc.ru/music/text/5341452> (дата обращения 30.11.2022).

8. Левин, Л. И. Блатная песня / Л. И. Левин // Эстрада в России. XX век: Энциклопедия. — М. : Олма-Пресс, 2004. — С. 79—81.

9. Малахов, В. С. Философская герменевтика Г.-Х. Гадамера / В. С. Малахов // Гадамер Г.-Х. Актуальность прекрасного. — М. : Искусство, 1991. — С.324—336.

10. Прилукова, Е. Г. Мозаика смыслов постчеловека в профессиональном образовании / Е. Г. Прилукова // Инновационное развитие профессионального образования. — 2022. — № 1 (33). — С. 27—32.

11. Раппопорт, С. Х. От художника к зрителю / С. Х. Раппопорт. — М. : Сов. художник. 1978. — 237 с.

12. Тетюев, Л. И. Философия языка Ханса-Георга Гадамера и его опыт интерпретации произведения искусства / Л. И. Тетюев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. — 2017. — Т. 17. — Вып. 3. — С. 288—291.

13. Шестакова, М. А. Функции здравого смысла в герменевтике Гадамера / М. А. Шестакова // Вестник Московского университета. Серия Философия. — 1999. — № 4. — С. 90—100.

14. Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. — М. : Азуковник: Русские словари, 2003. — 430 с.

15. Baddeley, A. D. Human Memory: Theory and Practice / A. D. Baddeley. — Boston : Allyn & Bacon, 1997. — 423 p.

16. Baddeley, A. D. Working memory / A. D. Baddeley. — Oxford, England : Oxford University Press. 1996. — 304 p.

17. Chandler, R. Cognitive load theory and the format of instruction / R. Chandler,

J. Sweller // *Cognition and Instruction*. — 1991. — № 8. — P. 294—332.

18. Halliday, M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning / M.A.K. Halliday. — L. : Arnold, 1978. — 256 p.

19. Muganga, L. The Importance of Hermeneutic Theory in Understanding and Appreciating Interpretive Inquiry as a Methodology / L. Muganga // *Journal of Social Research & Policy*. Vol. 6. Issue 1 (July). 2015. P. 65—88. — URL: https://www.researchgate.net/publication/328174838_The_Importance_of_Hermeneutic_Theory_in_Understanding_and_Appreciating_Interpretive_Inquiry_as_a_Methodology (дата обращения: 28.11.2022).

20. Sweller, I. Instructional design in technical areas / I. Sweller. — Camberwell, Victoria: Australian Council for Educational Research, 1999. — 192 p.

21. Tarasti, E. Signs of Music: A Guide to Musical Semiotics / E. Tarasti. — Berlin, 2002. — 224 p.

22. Zatorre, R. J. Structure and function of auditory cortex: music and speech / R. J. Zatorre, P. Belin, V. B. Penhune // *Trends in cognitive sciences*. — 2002. — No. 6 (1). — P. 37—46.

References

1. Bart R. S/Z (2001) [S/Z]. Moscow, Jeditorial URSS, 232 p. [in Rus].

2. Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress, 704 p. [in Rus].

3. Gadamer G.-H. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskusstvo, 368 p. [in Rus].

4. Volkova V. V. (2012) *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova*, Vol. 18, no. 4, pp. 65-68 [in Rus].

5. Kopcov A. N. (2016) *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, Vol. 22, no. 2, pp. 221-225 [in Rus].

6. Krutalevich A. N. (2016) *Kul'tura i iskusstvo*, no. 1 (31), pp. 41-45 [in Rus].

7. Lebedev S. N. (2004) *Shanson* [Shanson]. Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, available at: <https://bigenc.ru/music/text/5341452> (accessed 30.11.2022). [in Rus].

8. Levin L. I. (2004) *Blatnaja pesnja* [Blat song] *Jestrada v Rossii. XX vek: Jenciklopedija* [Stage in Russia. XX century: Encyclopedia]. Moscow, Olma-Press, pp. 79-81. [in Rus].

9. Malahov V. S. (1991) *Filosofskaja germenевtika G.-H. Gadamera* [Philosophical hermeneutics G.-H. Gadamer]. Gadamer G.-H. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskussvto, pp.324-336 [in Rus].

10. Prilukova E.G. (2022) *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija*, no. 1 (33), pp. 27-32 [in Rus].

11. Rappoport S. H. (1978) *Ot hudozhnika k zritelju* [From artist to viewer]. Moscow, Sov. hudozhnik, 237 p. [in Rus].

12. Tetjuev L. I. (2017) *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, Vol. 17, vyp. 3, pp. 288-291 [in Rus].

13. Shestakova M. A. (1999) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija Filosofija*, no 4, pp. 90-100 [in Rus].

14. Shulezhkova S. G. (2003) *Slovar' krylatyh vyrazhenij iz oblasti iskusstva: bolee 1000 krylatyh vyrazhenij*, [Dictionary of popular expressions from the field of art: more than 1000 popular expressions]. Moscow, Azukovnik: Russkie slovari, 430 p. [in Rus].

15. Baddeley A. D. (1997) *Human Memory: Theory and Practice*. Boston, Allyn & Bacon. 423 p. [in Eng].

16. Baddeley A. D. (1996) *Working memory*. Oxford, England, Oxford University Press, 304 p. [in Eng].

17. Chandler R, Sweller, J. (1991) Cognitive load theory and the format of instruction *Cognition and Instruction*, no. 8, pp. 294-332 [in Eng].

18. Halliday M.A.K. (1978) Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London, Edward Arnold, 256 p. [in Eng].

19. Muganga L. (2015) The Importance of Hermeneutic Theory in Understanding and Appreciating Interpretive Inquiry as a Methodology. *Journal of Social Research & Policy*. Vol. 6. Issue 1 (July), pp. 65—88, available at: https://www.researchgate.net/publication/328174838_The_Importance_of_Hermeneutic_Theory_in_Understanding_and_Appreciating_Interpretive_Inquiry_as_a_Methodology (accessed 28.11.2022) [in Eng].

20. Sweller I. (1999) Instructional design in technical areas. Camberwell, Victoria, Australian Council for Educational Research, 192 p. [in Eng].

21. Tarasti E. (2002) Signs of Music: A Guide to Musical Semiotics. Berlin, 224 p. [in Eng].

22. Zatorre R. J., Belin P., Penhune V. B. (2002). *Trends in cognitive sciences*, no. 6 (1), pp. 37-46 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 07.01.2023

For citing: Prilukova, E. G. Meanings of social reality representation in the subculture of a creolized text (as exemplified by the Russian musical genre of chanson) / E. G. Prilukova, D. V. Rakovsky // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 109—116. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116. — EDN APGYV

UDC 101.1+316.33+32

EDN APGYV

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116

MEANINGS OF SOCIAL REALITY REPRESENTATION IN THE SUBCULTURE OF A CREOLIZED TEXT (AS EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN MUSICAL GENRE OF CHANSON)

Ekaterina G. Prilukova,

South Ural State University
(National Research University),
Professor of the Department of Philosophy.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: prilukova74@gmail.com

Denis V. Rakovsky,

Nosov Magnitogorsk State Technical
University,
Postgraduate student of the Department
of Philosophy.
Magnitogorsk, Russia.
E-mail: rakovsky_auto@mail.ru

Abstract

Introduction. The rapid dynamics of the present world results in its complication and construction. Reality turns out to be woven from many quote fragments, representing a collage that a person creates and comprehends through the prism of various texts. Constantly transformable forms come to the fore and, as a result, there exists a plurality of meanings. Models of the world are continuously generated, replacing the actual reality with a multitude of spectacular simulacra. The search for ways to comprehend reality through the identification of markers of its transformations is noted, and understanding becomes the basis of ontology and one of the dominants of consciousness in the last quarter

of the 20th and first quarter of the 21st centuries. Signs and symbols of subculture, determined by the context of culture and presented by various means, become one of the markers of the social reality transformations.

The purpose of the study is to show the markers of the transformation of the total communication society.

Methods. Methodological framework is in G. Gadamer's hermeneutic approach and the provisions of M. Halliday's social semiotics to coding/decoding the meanings of operators-markers of social transformations. In addition, other methods were used in the work - methods of analogy, analysis and synthesis. Fragments of the study devoted to the study of chanson as a creolized text required the use of a systematic method.

Scientific novelty of the research. The authors revealed the specificity of the chanson as a creolized text and present understanding of the subculture as a marker of the social reality transformations, which is manifested by sign-symbolic forms of continuously generated creolized texts, thanks to the technique and technologies of communication.

Results. Markers of social reality transformations represent them in the format of creolized texts. What is broadcast in them is filled with a person and, consequently, his responsibility for their content is growing. Semiotic methodology based on the synthesis of the intellectual capital of hermeneutics and linguistics makes it possible for us to consider them as a product of human sign-symbolic activity and decode the content.

Conclusions. The specificity of human existence is determined by the existence of a person in the linguistic aspect of the world around him - the world is given by language, which involves the search for meaning and understanding of the world. Thinking and language are ontologically connected: meaning is expressed by linguistic means. Although the nature of the markers of social reality transformations is different, nevertheless, it is presented and framed as a text, the understanding of which is one of the ways to comprehend social reality.

Keywords:

reality,
text,
understanding,
meaning,
marker